

Научная статья /
Research Article

УДК 821.131.1.0
ББК 83.3(4Ита)6

«РУССКИЙ МИФ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КУРЦИО МАЛАПАРТЕ

© 2022 г. А.В. Голубцова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 12 октября 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 12 декабря 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-170-183>

*Статья написана при поддержке гранта Российского научного фонда 20-78-00042
«Советский Союз и “русский миф” в травелогах итальянских писателей»
в ИМЛИ РАН*

Аннотация: Творчество итальянского писателя Курцио Малапарте отмечено постоянным присутствием «советской» темы. Малапарте впервые посетил СССР как журналист в 1929 г., в 1943 г. работал на Восточном фронте в качестве военного корреспондента и вновь побывал в Советском Союзе в 1956 г. В многочисленных произведениях, посвященных осмыслению опыта соприкосновения с советской действительностью (публицистические сочинения «Осмысление Ленина», «Техника государственного переворота», «Ленин-добрый», фронтовые репортажи «Волга рождается в Европе», неоконченный роман «Бал в Кремле», травелог «Я в России и в Китае») автор активно использует элементы европейского «мифа о России». В статье рассматривается функционирование «русского мифа» в «советском» творчестве Малапарте, место отдельных мифологем в системе взглядов итальянского автора и их трансформация под влиянием политических обстоятельств и творческой эволюции писателя.

Ключевые слова: К. Малапарте, СССР, миф о России, травелог, аналитический очерк, репортаж, роман.

Информация об авторе: Анастасия Викторовна Голубцова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1286-7707>

E-mail: ana1294@yandex.ru

Для цитирования: *Голубцова А.В.* «Русский миф» в произведениях Курцио Малапарте // *Studia Litterarum.* 2022. Т. 7, № 1. С. 170–183.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-170-183>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

“THE MYTH OF RUSSIA” IN THE WORKS BY CURZIO MALAPARTE

© 2022. Anastasia V. Golubtsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: October 12, 2020

Approved after reviewing: December 12, 2020

Date of publication: March 25, 2022

Acknowledgements: The article was written at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of Russian Science Foundation, project 20-78-00042: “The Soviet Union and the Russian Myth’ in the Travelogues by Italian Writers”.

Abstract: The work of Italian writer Curzio Malaparte was greatly influenced by the “Soviet” theme. He visited the USSR for the first time as a journalist in 1929, worked as a war reporter on the Eastern front in 1943 and visited the Soviet Union again in 1956. In Malaparte’s numerous fictional and non-fictional works dedicated to his Soviet experience (The Intelligence of Lenin; Coup D’etat: The Technique of Revolution; Lenin the Good Fellow; The Volga Rises in Europe; The Kremlin Ball; Me, In Russia and In China) the author widely used various elements of the European “myth of Russia”. The article studies the influence of the “myth of Russia” on the writer’s views and describes how various components of the myth transform depending on political situation and on the evolution of Malaparte’s beliefs.

Keywords: Curzio Malaparte, USSR, the myth of Russia, travelogue, analytical essay, report, novel.

Information about the author: Anastasia V. Golubtsova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1286-7707>

E-mail: ana1294@yandex.ru

For citation: Golubtsova, A.V. “‘The Myth of Russia’ in the Works by Curzio Malaparte.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 170–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-170-183>

Курцио Малапарте (1898–1957) — один из первых итальянских писателей, посетивших Советский Союз. Он пробыл в СССР с мая по июнь 1929 г. в качестве корреспондента газеты «Стампа» (La Stampa), которую возглавил незадолго до поездки. Однако, как считается, первый контакт Малапарте с русской культурой произошел еще в 1915 г., на фронтах Первой мировой, где будущий писатель, по его собственному свидетельству, познакомился с приемным сыном М. Горького — Зиновием Алексеевичем Пешковым [3, р. 12], от которого получил начальное знание русского языка. В 1919–1920 гг., в период Советско-Польской войны, Малапарте состоял при итальянской дипломатической миссии в Варшаве и, возможно, был свидетелем событий, связанных с попыткой взятия польской столицы советскими войсками¹. Вероятно, именно тогда и зародился интерес к Советскому Союзу, который в дальнейшем красной нитью пройдет через все творчество писателя.

Исследователи связывают решение Малапарте посетить СССР в 1929 г. не только с его личными увлечениями, но и с экономическими интересами семьи Аньелли — владельцев автомобильного концерна «Фиат», которым принадлежала и газета «Стампа»: визит писателя в Советский Союз становится частью политики руководства «Фиата», направленной на расширение экономического сотрудничества с СССР на рубеже 1920–1930-х гг.² Играет свою роль и неоднозначное отношение к советскому режиму со стороны официальных властей. С одной стороны, Муссолини смотрит на СССР «с интересом, даже со своего рода скрытой ревностью <...>

1 Это предположение опирается лишь на слова самого Малапарте, документальные подтверждения данного факта отсутствуют, см.: [3, р. 10–11].

2 Подробнее об этом см.: [3, р. 17; 4, р. 189].

СССР совершил революцию, которая, в конечном счете, не так уж далека от той, которую он сам хочет совершить в Италии, чтобы избавить страну от влияния трона и слабой и неверной буржуазии» [4, р. 191–192]. Сочетание экономических и политических интересов предопределяет тот факт, что 1920-е и первая половина 1930-х гг. становятся для Италии и СССР временем политического и культурного сближения и экономического сотрудничества, которое в 1933 г. официально закрепляется итало-советским Пактом о дружбе, ненападении и нейтралитете и продолжается вплоть до середины 1930-х гг. (только в годы Итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. и Гражданской войны в Испании отношения между двумя странами обострились, и официальная позиция фашистской Италии по отношению к СССР приобрела отчетливую антикоммунистическую окраску). С другой стороны, фашистская пропаганда активно использует образ коммунизма и большевизма как идеологического противника фашизма, причем, как справедливо отмечает О.В. Дубровина, «формирование представлений о России вписывается в широкий контекст так называемого мифотворчества, то есть процесса создания целого ряда образов, понятий и концепций в рамках пропагандистской деятельности фашистского государства, направленных на обеспечение массового консенсуса с властью» [1, с. 79]. Коммунизм изображается фашистской пропагандой как воплощение «азиатского деспотизма», «порождение восточного менталитета, не имевшего ничего общего с западной цивилизацией, основанной на христианских ценностях и направленной на созидание и эволюционное развитие» [1, с. 85]. Таким образом, пропагандистские клише органично встраиваются в европейский «миф о России», который складывается в Европе, в том числе и в Италии, на протяжении XVIII–XIX столетий. В рамках этих представлений Россия воспринимается как загадочная страна снегов и бескрайних степей, страна восточная, варварская, чуждая европейской (в особенности латинской) цивилизации и недоступная пониманию западного человека. Важным компонентом «русского мифа» является «азиатский деспотизм» и «варварство» русского общества, красочно описанное, например, в резонансной книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (*La Russie en 1839*, 1843)³. Еще одна значимая составляющая «мифа о России» — представление о «загадочной русской душе»,

3 См., в частности, рассуждения о «жестокой тирании» и «устрашающей правильности», царящей в России: [5, с. 321].

о «восточном» фатализме, пассивности и коллективизме русского народа, о его особой склонности к страданию. Мифологема «русской души» окончательно оформляется ближе к концу XIX в., в знаменитой книге Э.-М. де Вогюз «Русский роман» (*Le roman russe*, 1886), которая фактически открывает русскую литературу не только для французского, но и в целом для западного читателя и надолго определяет контуры «мифа о России» [2, с. 32]. В XX в. этот мифологизированный образ продолжает задавать парадигму восприятия России в Италии, укрепляясь под влиянием политических факторов. Итальянские авторы, посещающие СССР, в том числе и Малапарте, неизбежно испытывают на себе влияние «русского мифа», как через посредство официальной пропаганды, так и напрямую, через знакомство с русской культурой (прежде всего, литературой).

В западных изданиях — в первую очередь травелогах, — посвященных Советскому Союзу, представление о чуждой, загадочной, почти мистической стране нередко органично перетекает в образ России как иного, потустороннего пространства, схожего с загробным миром. Парадигматическими текстами, задающими идеальную модель путешествия в потусторонний мир, для итальянских авторов могут служить как античные сюжеты (миф об Орфее и Эвридике, спуск Энея в Аид), так и «Божественная комедия» Данте. Соответствующие образы и цитаты присутствуют во многих итальянских травелогах о Советской России (в том числе в книгах таких крупных авторов, как Винченцо Кардарелли или Коррадо Альваро⁴). Метафоры потустороннего мира встречаются и в путевых заметках Малапарте, написанных «по следам» поездки в СССР в 1929 г. и в 1930 г. изданных отдельной книгой под заглавием «Осмысление Ленина» (*Intelligenza di Lenin*): «Кандид отправился бы в эти края <...> как Орфей в Ад, но босиком и на цыпочках, чтобы не пробудить подозрения этого странного народа» [11, р. 3]⁵; зловещие картины дантовского Ада, описывающие колыхание красных флагов в преддверии Октябрьского переворота (*Vexilla regis prodeunt*

4 Очерки В. Кардарелли о поездке в СССР в 1928–1929 гг. публиковались в газете «Il Tevere», в 1954 г. были изданы под одной обложкой с заглавием «Путешествие поэта в Россию» (*Viaggio di un poeta in Russia*); очерки К. Альваро, побывавшего в Советском Союзе в 1934 г., впервые вышли отдельной книгой в 1935 г. под названием «Творцы потопа. Путешествие в Советскую Россию» (*I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia Sovietica*).

5 Здесь и далее пер. с ит. мой, если не указано иное. — А.Г.

inferni [11, p. 122]⁶), отражают ту смесь восхищения и ужаса, с которой Малапарте воспринимает события русской революции. Однако следует отметить, что подобные образы встречаются у Малапарте реже, чем у других авторов, поскольку «Осмысление Ленина» представляет собой не традиционный травелог, а, скорее, аналитический очерк, исследующий историческую логику русской революции, исходя из особенностей личности ее «творца», В.И. Ленина. Описывая характер своей работы, Малапарте уже во вступлении декларирует ориентацию на максимальную объективность подхода, «научность» изложения, беспристрастность и свободу от «буржуазных» предрассудков [11, p. 4–8].

Итальянские исследователи не случайно называют «Осмысление» «концептуальным архитравом» работ Малапарте на советскую тему [3, p. 74]. Именно здесь он формулирует те базовые предпосылки, на которые будет опираться во всех своих «советских» произведениях: презрение к западному либерализму, не позволяющему адекватно оценить и понять не только русскую революцию, но и феномен революции как таковой; необходимость рассматривать большевизм с точки зрения его собственной внутренней логики, которая порой оказывается парадоксально близкой к этатистским принципам фашизма; отрицание мифологизированного образа большевистской России как «азиатской загадки», отражающего бессилие западной мысли. В понимании Малапарте, большевизм является не воплощением характерного русского «азиатского деспотизма», а порождением европейской либеральной культуры: «В ленинской России все покажется ясным тому, кто способен смотреть вглубь вещей и судить без предрассудков <...> только либеральная логика могла бы, или еще может, привести Европу к красному ленинскому сезону, характерному признаку времени всеобщего милосердия» [11, p. 7–8]. Типологически сближая большевизм с фашизмом, Малапарте в то же время указывает на его причинно-следственную связь с либерализмом; в последующих главах эта связь будет иллюстрироваться многочисленными параллелями с европейскими «революциями» — Реформацией, Английской революцией Кромвеля, Французской революцией, в последней главе та же идея будет высказана устами наркома иностран-

6 «Близятся знамена царя Ада» — слова из 34-й песни «Ада», которыми Вергилий предупреждает Данте о приближении к обиталищу Люцифера.

ных дел Литвинова⁷: «Нет ничего более европейского, более западного, чем большевизм. Ленин не устал утверждать, <...> что цель революции — модернизировать, европеизировать Россию» [11, р. 169]. Несмотря на интерес к Советской России, писатель не выказывает сочувствия к большевизму, о чем свидетельствует цитата из труда Монтескье «О духе законов», описывающая варварство и жестокость, в которую погрузился мир после ослабления и падения Римской республики: «Так в баснословные времена, после наводнений и потоков, из земли вышли вооруженные люди, истребившие друг друга» [11, р. 8]. Парадоксальным образом, декларируя беспристрастие и свободу от предубеждений, полемизируя с мифологизированным образом России-«азиатской загадки», Малапарте — возможно, неосознанно — поддерживает тесно связанный с этим представлением миф о «варварской» России, пусть уже и лишенной в его глазах загадочного ореола (и одновременно, в соответствии с идеалами фашизма, утверждает необходимость сильного государства, подобного Риму эпохи расцвета).

Размышляя об исторической судьбе России, Малапарте пытается обнаружить корни Октябрьской революции в самой природе и национальном характере русских, транслируя устойчивые элементы «мифа о России» — представление о народе, который населяет внеисторичную, погруженную в мифологическую архаику землю, и потому лишен исторической памяти и путает «границу с безграничностью, изменчивое с неизменным, временное с вечным» [11, р. 11]. Русская культура у Малапарте изображается как культура татарско-византийская, чуждая Западу; православный Христос — скорее кочевник, чем крестьянин, одновременно покорный и анархический, терпеливый и беспокойный, кроткий и жестокий, разрываемый противоречиями между киевско-новгородским «варварством» и воспоминанием о роскошном и просвещенном Константинополе. Вся история русского народа в глазах Малапарте превращается в мрачное поле борьбы противонаправленных сил, порождающих «странные страсти, фантастическое безумие, чудовищную наивность», без правил, логики и меры [11, р. 16]. Обращаясь к элементам мифа о «загадочной русской душе», итальянский автор утверждает, что «либеральная и оптимистическая» европейская логика

7 Так он охарактеризован у Малапарте. На самом деле на момент визита итальянского писателя Литвинов был заместителем наркома иностранных дел, должност народного комиссара он занял лишь в 1930 г., в год выхода «Осмысления Ленина».

является глубоко чуждой пессимистичному и анархическому русскому народу: единственная сила, способная упорядочить хаос русской души, — это безжалостная и холодная логика В.И. Ленина, которая и становится главной темой первой «советской» работы Малапарте. В попытках осмыслить масштабную фигуру вождя революции, писатель обращается к противоречиям и парадоксам, поскольку, в его трактовке, Ленин соединяет в себе два, по-видимому, противостоящих друг другу начала — русское и европейское: «В широком горизонте логики Ленина православным куполам храма Василия Блаженного служат противовесом башня Вестминстера и Эйфелева башня» [11, р. 22–23]. Логика Ленина одновременно и несет в себе черты русского характера и европейской морали, и отрицает их: «Антиевропейское лицо <...> двуликой логики Ленина имеет русские черты, антирусское же — черты европейские» [11, р. 23]. Пытаясь если не оправдать, то хотя бы объяснить жестокость Ленина и ужасы революции, Малапарте отказывает «коллективистскому» русскому народу в чувстве индивидуальной свободы: по его мнению, русским присуще понимание одной лишь коллективной свободы, которая больше напоминает «свободно принимаемое рабство» [11, р. 53]. Именно поэтому в московском Музее Революции в длинном ряду борцов за свободу — от Стеньки Разина до Льва Толстого, — чужеродной выглядит именно фигура Ленина, в наибольшей степени отразившего особенности русского духа. «Он <Ленин> сражается не за свободу, а за революцию <...> Он сражается не за свободу, а за диктатуру пролетариата» [11, р. 58–59]. Даже аристократия в России не знает свободы и не мечтает о ней, оплакивая утраченное благополучие; «бывшие», продающие на рынке остатки прежнего богатства, с характерным русским фатализмом покоряются судьбе, «позволяют грабить и убивать себя, даже не пытаясь ответить» [11, р. 69]. Единственный слой русского общества, ценивший свободу и утративший ее в результате революции, — это буржуазия и интеллигенция, которая «более пятидесяти лет поддерживала в народе идею восстания ради свободы» [11, р. 90], но впоследствии, выступив против политики Ленина, стала объектом репрессий, ненависти и недоверия со стороны новой власти — победившего пролетариата. Впрочем, как отмечает Малапарте, главным врагом пролетариата является не аристократия и не буржуазия: сознательное меньшинство вынуждено вести борьбу против «толпы» — против «невежества, лицемерия, сонной хитрости, болезненного беспокойства, атавистического

безумия русского народа» [11, р. 95]. Именно этим писатель оправдывает необходимость сложившейся в СССР системы государственного насилия, которая, впрочем, вполне соответствует природе и традициям русского народа с его «болезненной» психологией, нуждающейся в упорядочивающем начале. Свобода (в том числе экономическая свобода НЭПа) — это «буржуазный миф», который противоречит самой сути революции, заражает ее мелкобуржуазным духом.

В последующих произведениях на «советскую» тему Малапарте, по-прежнему отстаивая идеал объективности, «научности» и свободы от предрассудков, на деле продолжает обращаться к элементам «русского мифа», нередко делая их основой для теоретических рассуждений и масштабных обобщений. Так, в работе «Техника государственного переворота» (*Technique du coup d'État*, 1931), где на конкретных примерах из европейской истории — от Французской революции до Октябрьского переворота, фашистской революции и гитлеровского Пивного путча — исследуются технологии захвата государственной власти, автор обращается к мифологизированным представлениям о национальном характере русского народа, анализируя характер И.В. Сталина: «Сталину совершенно несвойственны такие качества русских, как апатия, ленивое непротивление добру и злу, туманный, бунтарский и вредоносный альтруизм, наивная и жестокая доброта» [7, с. 133]⁸. В книге «Ленин-добряк» (*Le bonhomme Lénine*, 1932) — политической биографии вождя революции — автор вновь, как и в «Осмыслении», оценивает личность и действия Ленина, отталкиваясь от стереотипных представлений о русском национальном характере. Так, Малапарте почти дословно цитирует пассаж из «Осмысления» о храме Василия Блаженного, башне Вестминстера и Эйфелевой башне [13, р. 22], хотя в «Ленине-добряке» автора в большей степени интересует не синтез русского и европейского начал, а «европейская» составляющая личности Ленина, который изображается здесь как типичный западный мелкий буржуа. Рассматривая политические цели Ленина, автор также обращается к элементам «русского мифа», почти дословно повторяя сформулированную еще в первой книге мысль о русских как народе, «который больше всех остальных любит свободу и лучше всех остальных смиряется с рабством», боится

8 Цит. по русскому переводу. Перевод сверен с итальянским изданием: [14].

одиночества, лишен чувства индивидуальной свободы и принимает лишь свободу коллективную, больше похожую на добровольно принятое рабство [13, р. 256–257]. Цитируя «Осмысление Ленина», Малапарте рассматривает с этой точки зрения всю историю русского революционного движения и вновь подчеркивает особое место Ленина, который, в отличие от всех прочих, борется не за свободу, а за власть [13, р. 261].

В репортажах с Восточного фронта Второй мировой войны, изданных в 1943 г. под названием «Волга рождается в Европе» (*Il Volga nasce in Europa*), Малапарте вновь (как и во всех предыдущих работах) опровергает расхожее представление об «азиатском лице» большевизма и характеризует его как типично европейский феномен: об этом должно напоминать и заглавие книги. Россия — это «другая Европа», дорической колоннаде Парфенона в России соответствует «стальная колоннада Пятилетки» [10, р. 11]⁹, поэтому войну между Германией и СССР нельзя трактовать в парадигме противостояния Европы и Азии. Ту же мысль автор повторяет в финале книги: Вторая мировая война — это «не обычная <...> антитеза Востока и Запада, Азии и Европы, а состязание двух сил, сталкивающихся в лоне западной цивилизации», встреча Запада с самим собой [10, р. 314]. И все же, наблюдая за блокадой Ленинграда, он вновь обращается к привычным элементам «русского мифа», разрабатывая их на новом материале. Оказавшись на даче Репина в Куоккале, автор размышляет о «широкой натуре» русских, о их любви к воле и боязни замкнутого пространства, описывает русских как «птицу, проглотившую собственную клетку» — отсюда и противоречивость русской души, где «характерное стремление к побегу <...> есть не что иное, как инверсия любви к своей тюрьме» [10, р. 259–260]. Еще более значимой для Малапарте оказывается мифологема русского фатализма и «способности к страданию», с помощью которой автор пытается объяснить «загадочный» факт многомесячного сопротивления блокадного города: «Среди всех народов Европы русский народ принимает лишения и голод с наибольшим равнодушием, это народ, которому умирать легче, чем другим <...> Информаторы, пленные, дезертиры единодушно описывают осаду Ленинграда как молчаливую, упрямую агонию. <...> Секрет сопротивления этого огромно-

9 Здесь и далее страницы указаны по итальянскому изданию: [10]; имеющийся русский перевод [8] выполнен с английского языка и изобилует неточностями, начиная с фамилии автора.

го города заключается не столько в оружии, в мужестве его солдат, сколько в его невероятной способности к страданию» [10, р. 209]. Впрочем, далее Малапарте связывает эту черту не только с особенностями «русской души», но и с влиянием коммунистической идеологии (говоря о «марксистской дисциплине», «ленинистской непримиримости», «моральном неистовстве, отвлеченности, безразличии к боли и смерти» [10, р. 248]), обогащая стереотипные представления о «русской душе» новыми социально-политическими коннотациями.

Та же трактовка элементов «русского мифа» прослеживается и в художественных произведениях — прежде всего, в неоконченном романе «Бал в Кремле» (*Il ballo al Cremlino*). Повествование основывается на впечатлениях от первой поездки Малапарте в СССР, но замысел романа относится к 1940-м гг. Итальянские исследователи относят его к жанру «современного исторического романа», сочетающего документальную хронику с художественным вымыслом» [6, с. 25]: несмотря на несомненную фактическую основу, произведение изобилует анахронизмами, воспоминания о реальных событиях, встречах, поездках переплетаются с плодами фантазии автора. Смысловым центром повествования, которое ведется как бы от лица самого Малапарте, посетившего Советский Союз в 1929 г., становится процесс разложения и гибели старой советской номенклатуры рубежа 1920–1930-х гг.: по словам автора, главный герой «Бала в Кремле» — не отдельный человек, а «коммунистическая аристократия» [6, с. 74]. Перед взором читателя проходят представители советского «высшего общества» — Луначарский, Каменев, Буденный, Егоров, Л. Карахан, иностранные дипломаты, их жены и любовницы. Герои (и прежде всего героини) романа проводят время в развлечениях — посещении театров, сплетнях, обсуждении нарядов и интриг, но за шумом и блеском светской жизни то и дело звучит зловещее эхо внутрипартийной борьбы и готовящихся репрессий. Известие об аресте Каменева, прозвучавшее на балу в английском посольстве, становится предвестием гибели «старой гвардии» от рук Сталина и его соратников.

В романе «Бал в Кремле» элементы «русского мифа» — в частности, представление о «фатализме, таящемся в глубине души каждого русского человека» [6, с. 75–76]¹⁰, — приобретают социологический оттенок,

¹⁰ Страницы указаны по русскому переводу: [6]; перевод сверен с итальянским изданием: [9].

связываясь уже не только и не столько с природными свойствами русского характера, сколько с влиянием марксистской идеологии («марксизм приводит человека не к коллективному чувству, а к абсолютному фатализму» [6, с. 75]). Звучит здесь и затронутая еще в фронтовых репортажах тема «способности к страданию»: рассуждая о месте Христа в атеистическом (советском) и христианском (европейском) обществе, Малапарте приходит к выводу о бесполезном, самоценном страдании как смысле христианства, поднимая эту тему в реальных или вымышленных беседах с М.А. Булгаковым [6, с. 126–133], В.В. Маяковским [6, с. 155–156], А.В. Луначарским [6, с. 162–169]. Именно в стремлении русских людей страдать и жертвовать собой ради других итальянский автор усматривает присутствие Христа — отсюда и парадоксальный вывод: «...в России, где Бога отрицали <...>, присутствие Бога ощущалось сильнее, чем в Европе, где не осталось сил даже отрицать Бога, что, как известно, является одним из способов утверждать его существование, призывать его, любить его» [6, с. 199].

В самом позднем из «советских» произведений Малапарте — травелогге «Я в России и в Китае» (*Io, in Russia e in Cina*, опубликовано посмертно, в 1958), описывающем второй и последний визит Малапарте в СССР в 1956 г. по пути в маоистский Китай, — элементы «русского мифа» присутствуют лишь в неявной форме, что подчеркивает контраст между Советским Союзом 1920-х и 1950-х гг. Сравнивая облик Москвы 1956 г. с воспоминаниями от своего первого путешествия, Малапарте признается, что с трудом узнает Москву и москвичей. Различие между старой и новой Москвой осмысливается через ряд противопоставлений: природа — техническая цивилизация, русская классика — современная действительность, Восток — Запад. Последняя антитеза дает автору повод в очередной раз обратиться к мифологизированным представлениям о России как восточной стране и Москве как восточном городе — но на этот раз лишь «апофатически»: «современный город в европейском, нордическом духе <...> возник там, где возвышался город восточный, с тысячей куполов» [12, р. 11]; «Толпа на улицах — такая же, какую можно встретить в городах Северной Европы <...> В ней уже не обнаружить ни следа того восточного характера, который в Москве был особенно заметен не только в архитектуре церквей, но и в самом народе» [12, р. 43]. Нельзя сказать, что Москва в интерпретации Малапарте совершенно утрачивает свою специфику, однако в очерках 1950-х гг. культурные

различия, тесно связанные с «русским мифом», окончательно сменяются социальными, обусловленными политическим режимом и общественным строем. Преображение и европеизацию Москвы и ее населения автор в значительной степени связывает с превращением ее в «рабочий мегаполис» без следа «буржуазной склонности к утонченности, роскоши, излишеству, тщеславной эlegantности» [12, p. 47].

Превращение Москвы в «европейский» город позволяет Малапарте говорить о «возвращении» России в «великую семью народов Запада» [12, p. 50]. Таким образом, автор в неявной форме в очередной раз отстаивает идею тесной связи России и Европы — идею, которая лежала в основе всего его «советского» творчества, зачастую парадоксальным образом сочетаясь со стереотипным представлением о России как «восточной», «азиатской» стране. Убежденность в параллелизме и взаимозависимости исторических процессов, развивающихся в России и Европе, стремление поместить события российской истории в европейский контекст и извлечь из них уроки для западных государств пронизывает все «советское» творчество автора, от «Осмысления Ленина» до «Бала в Кремле» и очерков из травелога «Я в России и в Китае». Элементы европейского «мифа о России», играющие ключевую роль в ранних текстах Малапарте, в военных и послевоенных произведениях постепенно утрачивают свое значение. Этот факт может быть обусловлен как освоением нового материала и обращением к новым темам, так и большей творческой зрелостью и самостоятельностью, действительным освобождением от стереотипов и предрассудков — приближением к идеалу объективности, который Малапарте последовательно отстаивал, начиная с первых публицистических работ.

Список литературы

Исследования

- 1 Дубровина О.В. Формирование представлений о Советской России / СССР в фашистской Италии 1922–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 305 с.
- 2 Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013. 396 с.
- 3 *Giacobbe C. M. Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani. Tesi di dottorato. Milano: Università degli studi di Milano, anno accademico 2016/2017. 256 p.*

- 4 Serra M. Malaparte. Paris: Perrin, 2012. 798 p.

Источники

- 5 Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 2. 526 с.
- 6 Малапарте К. Бал в Кремле / пер. с ит. А.В. Ямпольской. М.: АСТ, 2019. 347 с.
- 7 Малапарте К. Техника государственного переворота / пер. с ит. Н. Кулиш. М.: Аграф, 1998. 224 с.
- 8 Малапарти К. Репортажи с переднего края. М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. 320 с.
- 9 Malaparte C. Il ballo al Cremlino e altri inediti di romanzo / presentazione di Enrico Falqui. Firenze: Vallecchi, 1971. 569 p.
- 10 Malaparte C. Il Volga nasce in Europa. Roma; Milano: Aria d'Italia, 1951. 322 p.
- 11 Malaparte C. Intelligenza di Lenin. Milano: Treves, 1930. 176 p.
- 12 Malaparte C. Io, in Russia e in Cina. Firenze: Vallecchi, 1958. 350 p.
- 13 Malaparte C. Lenin buonanima. Firenze: Vallecchi, 1962. 394 p.
- 14 Malaparte C. Tecnica del colpo di Stato. Firenze: Vallecchi, 1973. 188 p.

References

- 1 Dubrovina, O.V. *Formirovanie predstavlenii o Sovetskoj Rossii / SSSR v fashistskoj Italii 1922–1943 gg.* [The Formation of the Image of Soviet Russia / the USSR in Fascist Italy of 1922–1943: PhD thesis]. Moscow, 2017. 305 p. (In Russ.)
- 2 Fokin, S.L. *Figury Dostoevskogo vo frantsuzskoj literature XX veka* [The Figures of Dostoevskij in French Literature of the 20th Century]. St. Petersburg, RSHA Publ., 2013. 396 p. (In Russ.)
- 3 Giacobbe, Carla Maria. *Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani.* Tesi di dottorato. Milano, Università degli studi di Milano, anno accademico 2016/2017. 256 p. (In Italian)
- 4 Serra, Maurizio. *Malaparte.* Paris, Perrin, 2012. 798 p. (In French)